

ТАУ — НОЛЬ

Глава 1

— **П**осмотрите-ка — вон там, прямо над Десницей Господа... Это он?
— Да, думаю, это он. Наш корабль.

Весь вечер они бродили по Миллесгардену*, и теперь тут кроме них уже не осталось ни одного посетителя. Он видел скульптуры впервые и восхищался ими, а она молча прощалась с тем, что было до сих пор частью ее жизни. С погодой им повезло. В этот день, один из последних дней лета, на Земле светило солнце, ветерок качал ветви деревьев и тени листвы танцевали на стенах белокаменных вилл; ясно, звонко журчали фонтаны.

А когда солнце село, парк вдруг ожил. Показалось, будто каменные дельфины резвятся в волнах, Пегас рвется в небеса, а Фольке Фильбитер** живо вглядывался в даль, будто и вправду надеялся разглядеть там своего потерянного внука, и конь его словно по-настоящему споткнулся, переходя брод... Орфей чутко прислушивался к чему-то, юные сестры пугливо обнимались — все скульптуры ожили, воскресли на одно краткое безмолвное мгновение, но этот миг их жизни был для них не менее реален, чем время, текущее по людским часам, для живых людей.

— Кажется, что они живые, что это они устремлены к звездам, а наш удел — остаться здесь, стариться и умереть... — прошептала Ингрид Линдгрэн.

---

* Миллесгарден — парк в Стокгольме, украшенный скульптурами Карла Миллеса. (Здесь и далее примеч. пер.)

** Фольке Фильбитер — легендарный народный герой Швеции времен раннего Средневековья.

Чарльз Реймонт не расслышал ее слов. Он, стоя на вымощенной плитами площадке под березой, листья которой уже тронула желтизна, не отрываясь смотрел в небо на «Леонору Кристин». «Десница Господа», величественная колонна, вздымавшая в небеса Гений Человека, могущественно белела на фоне зеленова-то-голубого неба. Крошечная, быстро летящая звездочка блеснула и погасла над скульптурой.

— Вы уверены, что это не спутник? — нарушила молчание Линдгрэн. — Вот уж не думала, что мы ее увидим...

Реймонт искоса посмотрел на спутницу.

— Вы первый помощник и не знаете, где летает ваш корабль?

По-шведски Реймонт говорил с ужасным акцентом, как, впрочем, и на всех остальных языках кроме родного, и ощущалось в этом что-то вроде насмешки.

— Я же не навигатор, — оправдываясь, сказала Линдгрэн. — И потом, я вообще-то, честно говоря, стараюсь сейчас как можно реже думать о корабле, о полете. И вам советую. Столько лет только об этом придется теперь думать. — Она подошла к Реймонту поближе и произнесла почти умоляюще: — Прошу вас. Не надо портить такой прекрасный вечер.

— Простите, — извинился Реймонт. — Я ничего такого не имел в виду.

Тут к ним подошел смотритель, остановился неподалеку и нерешительно проговорил:

— Прошу прощения, но мы должны запирать ворота.

— О! — Линдгрэн вздрогнула и посмотрела на часы, потом огляделась по сторонам. Кругом было пусто — никого, кроме скульптур Карла Миллеса*, персонажей, которых он изваял из камня и металла три века назад. — Да ведь парк давно уже должен был закрыться! Я совсем забылась.

Смотритель понимающе кивнул:

— Я так понял, что господин и госпожа очень хотели еще побродить по аллеям, вот я и не стал вас торопить, после того как другие посетители ушли.

---

* Карл Миллес (1875–1955) — знаменитый шведский скульптор, лауреат многих престижных премий в области искусства.

— Значит, вы нас знаете? — удивленно спросила Линдгрэн.

— Кто же вас не знает! — восхищенно воскликнул пожилой зритель, глядя на Линдгрэн.

Она была высокая, стройная, с правильными чертами лица, светловолосая, синеглазая. Одета намного изысканнее, чем можно было ожидать от космолетчицы, и ей удивительно шли глубокие мягкие тона легкого платья времен раннего Средневековья.

Реймонт выглядел полной противоположностью: крепко сложенный, темноволосый, с суровым обветренным лицом. Правую бровь рассекал шрам, который, судя по всему, Реймонта совершенно не смущал. Его строгая рубашка и простые брюки запросто сошли бы за форменные.

— Спасибо, что не выдали нас, — поблагодарил он зрителя, скорее формально, нежели от души.

— Я решил, что вам будет неприятно, если на вас станут смотреть, — объяснил зритель. — Не сомневаюсь, — добавил он, — вас многие узнали, но повели себя так же, как я.

— Вот видите, какие мы, шведы, тактичные люди, — сказала Линдгрэн, улыбаясь Реймонту.

— Разве я спорю? — пожал плечами ее спутник. — Это так типично для Солнечной системы. И вообще, — добавил он, немного помолчав, — всякий, кто завоевывает мир, вынужден быть вежливым. Римляне в свое время были куда как вежливы. Пилат, к примеру.

Зрителя явно смутил столь неожиданный выпад. Линдгрэн обиженно возразила:

— Я сказала «alskvardig», а не «artig» («тактичны», а не «вежливы»). Благодарю вас, господин зритель. — Она протянула старику руку.

— Приятно было познакомиться, мисс первый помощник Линдгрэн, — церемонно поклонился зритель. — Желаю вам счастливого пути и благополучного возвращения домой.

— Если путь наш будет действительно счастливым, — уточнила Линдгрэн, — домой мы не вернемся никогда. А если вернемся... — она запнулась. Если они вернуться, зрителя уже не будет в живых. — Позвольте вас еще раз поблагодарить, — кив-

нула она старику. — Прощайте, — сказала она деревьям, фонтанам и скульптурам.

Реймонт пожал зрителю руку, пробормотал что-то нечленораздельное, и они с Линдгрэн вышли за ворота парка.

Высокие стены отбрасывали густую тень на мостовую. В тишине гулко звучали шаги. Через некоторое время Линдгрэн задумчиво проговорила:

— Я все думаю: действительно ли мы видели наш корабль? Мы ведь сейчас на такой широте... Даже корабль с двигателем Буссарда не так велик, чтобы сверкнуть в лучах закатного солнца.

— Его можно заметить, если выпущены ловушки силового поля, — сказал Реймонт. — Корабль вчера вывели на околоземную орбиту для последних испытаний.

— Да, все правильно. Программу испытательных полетов я видела. Но мне совершенно не обязательно помнить, что происходит с «Леонорой, Кристин» каждую минуту. Особенно потому, что до отлета еще так много времени — почти два месяца. Зачем думать об этом? Какой от этого толк?

— Ну, ясно. Какое мне, простому корабельному констеблю, до этого дело, — ухмыльнулся Реймонт. — Будем считать, что я тренируюсь на случай тревоги.

Линдгрэн искоса, с опаской посмотрела на Реймонта. Они подошли к парапету на набережной. Вдалеке на другом берегу поочередно загорались огоньки Стокгольма. Над домами и деревьями сгущалась ночная тьма. Поверхность воды канала стала похожа на темное зеркало. Звезд на небе было пока еще совсем немного, только Юпитер, видимый невооруженным глазом, горел ярко и ровно.

Реймонт присел и подтянул к берегу взятую напрокат лодку. Спускавшиеся в воду якорные цепи придавали ей полное сходство с настоящей. У Реймонта была специальная лицензия, позволявшая причаливать практически где угодно. Ведь межзвездная экспедиция — событие всемирного масштаба. Утром они с Линдгрэн совершили настоящий круиз по архипелагу — несколько часов подряд любовались пышной зеленью островов, среди которой живописно расположились нарядные домики, легкими парусами, чайками и солнечными зайчиками на синих

волнах. Таких красот на бете Девы им не увидеть, а уж по пути туда — тем более.

— Карл, — назвала Реймонта на шведский манер Линдгрэн, — у меня такое ощущение, что я вас совершенно не знаю. Да и не только я, наверное.

— А? — откликнулся Реймонт. Борт лодки ударился о гранитный берег. — Моя биография записана, как и у всех остальных членов команды, — буркнул он и прыгнул на кокпит.

Придерживаясь одной рукой за борт, другую он подал Линдгрэн. В принципе, можно было бы и не опираться на плечо Реймонта, но она оперлась. А его рука даже не дрогнула от ее веса.

Линдгрэн села на скамейку неподалеку от штурвала. Реймонт повозился с рулем, отвинтил головку цилиндра. Раздался еле слышный звук — заработал молекулярный двигатель, и тут же послышался плеск воды за кормой — завертелся винт. Движения Реймонта были далеко не такими изящными, как у его спутницы, зато он действовал быстро и четко.

— Да, мы все знаем друг о друге то, что написано в полетных документах, — кивнула Линдгрэн. — Но про вас там сказано предельно кратко, по минимуму. «Чарльз Ян Реймонт. Гражданство — межпланетчик. Возраст — тридцать четыре года. Родился в Антарктиде, но не в самой престижной колонии...» Да, там, на нижних уровнях Полюгорска, мальчику, отец которого рано умер, светили только нищета и неуверенность в завтрашнем дне. «В юности попал на Марс (каким образом — не указано) и работал там, то и дело меняя профессии, — до тех пор, покуда не начались беспорядки... Потом... потом он сражался с «Зебрами», да так отчаянно, что ему в конце концов предложили место в Корпусе Лунных Спасателей. На Луне Реймонт завершил свое образование и, быстро продвигаясь по служебной лестнице, дослужился до чина полковника, в коем был направлен в полицию для улучшения работы. Когда он подал заявление на участие в экспедиции, Генеральный Руководитель Проекта с радостью дал положительный ответ на запрос». Вот и все. О вас как о человеке там ни слова не сказано, — не унималась Линдгрэн. — Неужели вам удалось это скрыть даже во время психологического тестирования?

Реймонт перешел на нос лодки, перегнулся через борт и аккуратно выбрал оба якоря, сел к штурвалу и завел двигатель. Магнитный мотор работал бесшумно, винт почти беззвучно вертелся за кормой, но лодка быстро и легко заскользила вперед. Реймонт смотрел прямо перед собой.

— Почему вас это так интересует? — спросил он, не оборачиваясь.

— Нам предстоит прожить рядом не один год. Очень может быть — до конца жизни.

— Ну, тогда я поистине удивлен, что вы решили этот день провести со мной.

— Вы же меня пригласили, Карл.

— После того как вы позвонили мне в гостиницу. Наверное, по корабельному реестру вы знали, где я остановился?

Миллесгарден растаял за кормой. Было темно и не видно, покраснела ли Линдгрэн. Глядя в спину Реймонта, она призналась:

— Да. Просто я подумала, что, может быть, вам одиноко. У вас же никого нет, верно?

— Да, родственниками на Земле я не обзавелся. А сейчас... мотаюсь по всяким красивым местечкам. Там, куда мы направляемся, такого не предвидится.

Линдгрэн подняла глаза к небу. Юпитер горел еще ярче — ровным белым светом, словно ночник. Рядом с ним загорались все новые и новые звезды. Она поежилась и поплотнее закуталась в плащ. Стало совсем по-осеннему прохладно.

— Не предвидится, это точно, — грустно проговорила она. — Там все будет чужим... Мы даже не можем вообразить, что собой представляет планета, на которую мы летим... а ведь она наша соседка, сестра, можно сказать... и нам предстоит путь длинной в тридцать два световых года.

— Таковы люди, — коротко отозвался Реймонт.

— А почему вы решили лететь, Карл? — задала вопрос Линдгрэн.

Он пожал плечами.

— Из любопытства, пожалуй. И еще... откровенно говоря, я успел нажать врагов в Корпусе. Кого-то гладил против шерстки, кому-то продвинуться не давал. Да и сам зашел в тупик —

дальше мне выслужиться не удалось бы, если бы я не стал соблюдать неписанные законы внутренней политики. А я их презираю, законы эти. — Он обернулся и встретился взглядом с Линдгреном. — А вы почему?

Она вздохнула:

— Наверное, из чистой романтики. Я с детства мечтала полететь к звездам — как тот принц из сказки, что грезил о стране эльфов. В конце концов я сумела уломать родителей, и они разрешили мне поступить в Академию.

Реймонт улыбнулся — на этот раз теплее, чем обычно.

— И, судя по всему, вы на хорошем счету в межпланетной службе. Первый полет за пределы Солнечной системы — и сразу в должности первого помощника.

Линдгреном протестующе подняла руки.

— Зачем вы так? Между прочим, я свою работу знаю и делаю хорошо. Просто в наше время, как ни странно, женщине легче продвинуться по службе, чем мужчине. В такой экспедиции женщины очень нужны. И работа на борту «Леоноры Кристин» у меня будет не совсем обычная. Мне придется больше заниматься... ну, скажем так: человеческими взаимоотношениями, чем астронавигацией.

Реймонт отвернулся и снова стал смотреть вперед.

Лодка обогнула мыс и понеслась к Сальтсвону. Тут движение было гораздо более оживленным. Мимо то и дело проносились суда на подводных крыльях. Грузовая подводная лодка медленно удалялась в направлении Балтики. А в темном небе, словно светлячки, мелькали огоньки воздушных такси. Освещенный центр Стокгольма стал похож на многоцветный пылающий костер. Тысячи звуков непостижимым образом сливались воедино, звуча подобно многоголосому хору.

— Хочу вернуться к моему вопросу, — сказал Реймонт. — Вернее, к контрвопросу, поскольку вы меня вынудили его задать. Только не думайте, что мне была неприятна ваша компания. Напротив — очень даже приятна, и, если вы не откажетесь со мной поужинать, я буду считать сегодняшний день одним из лучших в жизни. Но... как только закончились тренировки, почти вся наша группа распалась, рассыпалась, как капельки ртути. Каждый

нарочито избегает встреч с будущими товарищами по команде. Наверное, *все* считают, что сейчас лучше проводить время с теми, кого больше никогда не увидят. А вы... вы же тут успели корни пустить. Древний, уважаемый род, обеспеченное семейство, где все друг друга любят. У вас, как я понимаю, живы и мать, и отец. Братья, сестры, родные и двоюродные, — наверняка все просто жаждут сделать для вас все, что в их силах, в эти оставшиеся до отлета несколько недель. Почему же вы покинули их сегодня?

Линдгрэн не ответила.

— Все дело в ваших шведских замашках, — сделал вывод Реймонт. — Как это похоже на правителей человечества. Зачем меня только сюда понесло? Ну да ладно, я ведь тоже имею право на личную жизнь, и его у меня никто не отнимет. Ну так что — поужинаете со мной? Я отыскал очень милый ресторанчик, где посетителей обслуживают по старинке, то бишь живые официанты.

— Да, — ответила Линдгрэн. — Спасибо, с удовольствием.

Она встала и осторожно коснулась плеча Реймонта. На кончиках ее пальцев напряглись железные мускулы.

— Только... не называйте нас правителями, — попросила она. — Мы вовсе не такие. Просто таково было одно из условий мирного договора после ядерной войны, когда планета была на грани гибели... нужно же было что-то делать.

— Угу, — буркнул Реймонт. — Знаете, я время от времени почитываю книжки по истории. То-се, «Всемирное Разоружение», «все силы Интерпола брошены на его обеспечение» и так далее. *Sed quis custodiet ipses custodet?** Кому же доверить контроль за уничтожением оружия, способного уничтожить всю планету? Кому поручить организацию деятельности органов расследования и наказания? Ну конечно же, стране, которая достаточно велика и развита, для того чтобы превратить мир и спокойствие в главную отрасль производства. Но между тем недостаточно велика для того, чтобы одолеть другие страны или навязать кому бы то ни было свою волю без поддержки большинства наций. Такой стране вдобавок, о которой все хорошего мнения. Короче говоря — Швеции.

---

* «Но кто же будет сторожить стерегущего?» (*лат.*) — цитата из Лукиана.

— Значит, вы все понимаете! — радостно воскликнула Линдгрэн.

— Да. И последствия тоже. Власть, таким образом, находится на самообеспечении и действует, исходя из логической необходимости. Деньги, которые платит вся планета на содержание аппарата, осуществляющего контролирующие функции, стекаются сюда, и потому вы стали самой богатой страной на Земле. И само собой разумеется — центром мировой дипломатии. А в то время, когда каждый реактор, каждый космический корабль, любая лаборатория потенциально опасны и должны находиться под неусыпным надзором, получается, что по каждому конкретному вопросу последнее слово непременно остается за каким-нибудь шведом. А это означает, что перед вами выслуживаются даже те, кто давно уже от вас не в восторге. Ингрид, голубушка, тут уж ничего не поделаешь — мало-помалу ваш народ превращается в римлян.

Линдгрэн явно расстроилась.

— И вы тоже нас не любите, Карл?

— Как сказать... В конце концов, вы не хуже остальных. До сих пор вы были вполне гуманными правителями. Даже слишком гуманными, я бы сказал. А уж я лично и вообще должен быть вам несказанно благодарен: ведь вы позволили мне стать человеком без гражданства, а это как раз то, что мне нужно. Нет, лично мне вы ничего плохого не сделали. Только... — Реймонт махнул рукой в сторону ярко освещенных башен. — Долго это все равно не протянется.

— Что вы имеете в виду?

— Не знаю... Просто я уверен в том, что ничто не вечно. Как прекрасно ни продумывай систему, со временем она все равно устаревает и гибнет. — Реймонт помолчал, подбирая слова. — В вашем случае, — продолжил он после паузы, — конец наступит из-за той самой стабильности, которой вы так гордитесь. Разве что-нибудь глобально изменилось на Земле с конца двадцатого столетия? Разве сейчас мы имеем желаемое положение вещей? По моему мнению, — задумчиво проговорил Реймонт, — это и есть одна из главных причин колонизации Галактики — бегство от Ragnarok*.

---

* Ragnarok — сумерки богов (*швед.*). (В переносном смысле — конец света.)